

КОРНИ МАКА

Withdrawal Symptoms in the Golden Triangle: A Drugs Market in Disarray. Transnational Institute (TNI) Report. Amsterdam, January 2009. www.tni.org/drugs; Trouble in the Triangle: Opium and Conflict in Burma. Edited by Martin Jelsma, Tom Kramer and Pietje Vervest. Bangkok, Silkworm Books, 2005, 231 pp.; Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. – М.: Весь Мир, 2005, 312 с.; Stepanova Ekaterina. Addressing drugs and conflicts in Myanmar: who will support alternative development? SIPRI Policy Brief. SIPRI, June 2009, 8 pp.

Рецензия – Владимир Орлов

Искоренять, искоренить – вырвать с корнем, выкорчевать. Истреблять вовсе, уничтожать. Искореняя – истребляя с корнем.

В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка¹.

Поздним январем или ранним февралем эти поляны среди поросших первобытными зарослями горных склонов крайнего севера Лаоса покрываются алыми и белоснежными точками. Одни из самых очаровательных цветов Юго-Восточной Азии, они известны как *Papaver Somniferum*. Или попросту мак. Тот мак, который веками использовался в китайской медицине, а с 1960-х гг. принес этому региону сомнительную славу опиумного центра мира.

Я снова в Золотом треугольнике, пространстве на стыке границ Мьянмы, Китая, Лаоса и Таиланда, получившем свое нынешнее громкое имя благодаря какому-то средней руки дипломату из Госдепа США, который обронил это словосочетание в 1971 г., в период самого расцвета производства опия, стимулировавшегося ЦРУ, чтобы на деньги от наркоторговли вооружать местные племена в борьбе с индокитайскими коммунистами; с тех пор так и прижилось.

Мой первый приезд в Золотой треугольник совпал с эпохальным событием для местных наркоторговцев и для тех, кто с ними борется. Был ноябрь 2007 г. Из бывшей столицы Мьянмы Янгона пришло известие, что там под комфортабельным домашним арестом скончался опиумный король Золотого треугольника Хун Са. Что же, слава Золотого треугольника закатилась?

Действительно, в прессе в последние годы все больше сообщений о резком сокращении, почти на 80%, производства опиума в Мьянме, в частности, и в Золотом треугольнике в целом. Место лидера мирового героинового экспорта теперь прочно занимает Афганистан.

Меня заинтересовало, означает ли это, что Золотой треугольник стал – спустя ровно столетие после создания (в 1909 г.) международного режима контроля над наркотическими веществами – пока что единственным в мире успешным примером борьбы с распространением наркотиков?

Чтобы разобраться, я исколесил, где на джипе, где на велосипеде, сотни километров по мьянмарскому, лаосскому и тайскому уголкам Золотого треугольника, не меньше проплыл на джонках по пограничному Меконгу и его притокам. А в дороге читал книги, сборники, доклады, что называется, по теме, и прилежно делал из них выписки, перемежаемые путевыми заметками.

PAVAER SOMNIFERUM: ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ

Лучшие места для выращивания опиумного мака: высокие горные склоны, где температура и почва наиболее благоприятны. Время высевания: канун завершения сезона дождей, конец сентября – начало октября. Мак предпочтительно высевать на тех же полях, где до того росла кукуруза – она заглушает сорняки и идет на корм скоту. Мак высеивают прямо среди оставшихся кукурузных стеблей.

Три месяца спустя, через несколько дней после того, как с маков опадут лепестки, женщины и дети моно, лаху, лису, других горных племен Золотого треугольника собирают урожай: делают вертикальные надрезы на зеленых маковых коробочках, чтобы оттуда вытекла смола, и дают ей загустеть на солнце. Делание таких надрезов сродни искусству, и требуется твердая рука. Для них используют специальные закругленные инструменты – маленькие серпы – с двумя или тремя лезвиями, плотно прикрученными друг к другу. Если надрез слишком глубокий, то белая, клейкая масса может вся вылиться на землю, если же надрез будет слишком поверхностным, то смола загустеет внутри коробочки и не вытечет. Полученное клейкое вещество, по цвету теперь темно-янтарное, на следующий день счищают, скручивают в шарики и оборачивают банановыми листьями, чтобы в таком виде продать посредникам.

Горные племена считают выращивание мака идеальным сельскохозяйственным занятием. Действительно, за небольшое количество собранного сырья они получают весомое вознаграждение; товар не портится; посредники сами забирают товар, и племена, как правило, избавлены от транспортных расходов и усилий, что особенно важно, когда толком нет дорог. Наконец, у горных племен есть очевидное конкурентное преимущество: у их соседей на равнинах вырастить такую продукцию просто не получится, почвы и климат не те.

Однако закупочные цены на опий-сырец, конечно, не идут ни в какое сравнение с ценами на наркотики на последующих этапах их переработки и транспортировки. Еще в начале прошлого десятилетия цена 1 кг героина, получаемого из опия-сырца непосредственно после его выработки еще на территории Мьянмы, могла составлять до

1200–1400 долл., в первом же крупном транзитном пункте (например, в г.Чианграй на территории Таиланда) она возрастала в два раза, в столице Таиланда Бангкоке – уже в три раза, а в конечном пункте потребления – например, в Нью-Йорке – могла достигать 60 тыс. долл., то есть была в 43–50 раз выше первоначальной цены².

В ПОИСКАХ ИСТОКОВ ЗЛА

Я в Опиумном Зале на крайнем севере Таиланда. Отсюда видны земли Мьянмы и земли Лаоса. Изучаю огромный выбор опиумных трубок, весов с гирьками в форме слоников...

Но это всего-навсего музей. Один из самых необычных, в котором мне когда-либо пришлось побывать. Построенный с применением новейших мультимедиа-технологий, патрионируемый королевской семьей, этот музей рассказывает не только о тех катастрофах, которые приносит наркозависимость. Он – и об истоках этого зла.

Композиция музея приведет вас к мысли о том, что зло пришло с Запада. С VII в., когда арабские торговцы завезли опий в Китай, он использовался там как лекарственное средство. Первоначально опийный мак выращивался на территории современных китайских провинций Сычуань, Юньнань и Гуанси, и лишь впоследствии мигрировавшие к югу горные племена принесли эту культуру в тот район, который сегодня зовется Золотым треугольником. Выращивание опийного мака в регионе не носило масштабного характера и не приводило к массовому потреблению опия.

Все изменилось в XVII–XVIII вв., когда благодаря голландцам в регионе распространилось курение опия. А в начале XIX в. усилиями британских компаний опий превратился в одну из наиболее прибыльных коммерческих сельскохозяйственных культур. Британская *Ост-Индская компания*, владевшая монополией на производство опия в Бенгалии, значительную часть его продавала в Китай, где число потребителей опия только в первой четверти XIX в. превысило 15 млн человек (для сравнения: сегодня число потребителей опиатов – опиума, морфина и героина – в мире оценивается в 15 млн человек³). А затем последовали две *опиумные войны* с Британской империей, проигранные Китаем.

Опиумный зал подталкивает вас к тому выводу, о котором пишет в своей книге Е.А. Степанова, которая, в отличие от меня, в этом замечательном музее не была, но, похоже, мыслит солидарно с его кураторами: наркобизнес был инструментом колониальной политики европейских держав⁴.

Вот потом им и аукнулось, а обвиняют нас, довольно неприкрыто намекают кураторы музея в Золотом треугольнике. Не злорадно, но с уверенным чувством аккуратного исторического анализа.

Сегодняшние голландские исследователи тоже словно испытывают чувство исторической вины за поведение предков: «Столетие назад, когда европейские колониальные державы способствовали развитию опийного производства повсюду, где они могли, в мире производилось как минимум в три раза больше опия, чем сейчас»⁵.

НАСКОЛЬКО BIG MAK

Сегодня на Золотой треугольник приходится не больше 1% экспорта героина в Европу и Северную Америку.

В тайском секторе Золотого треугольника удалось заместить производство опиума – известного на Западе на уличном жаргоне как *Big O* – выращиванием других сельскохозяйственных культур – кукурузы, табака, чая. За последние 30 лет производство опиума сократилось здесь на 96%.

В Мьянме, где тоже заметно сокращение производства опия-сырца, ситуация тем не менее иная: поголовная нищета сельского населения в таких районах, как государства Шан и Качин, не дает крестьянам возможности переключиться с выращи-

ния опиумного мака на иное сельскохозяйственное производство. По рассказу одного крестьянина, достаточно привезти 25 кг опиума на городской рынок, чтобы заработать примерно 1,5 тыс. долл. – денег, достаточных здесь для благополучного существования небольшой семьи в течение года. В то же время, если выращивать зерно, чтобы заработать такую же сумму, нужно будет привезти на рынок 1,5 тыс. мешков с зерном (по полцентнера в мешке): такой объем местным крестьянам невозможно ни вырастить, ни тем более перевезти, так как семья, имеющая хотя бы одного мула, уже считается зажиточной, а дороги здесь проходимы только в сухой сезон.

МЕТОДЫ

На крайнем севере Таиланда, в провинции Чианграи, чтят Таксина, какие бы политические катаклизмы не охватывали Бангкок.

Таксин Чинават – один из самых противоречивых политиков Юго-Восточной Азии. Крупнейший бизнесмен, в прошлом – премьер-министр, преследуемый – то ли за коррупцию, то ли по политическим мотивам, то ли за все сразу; но имеющий хорошие шансы вернуться на пост тайского лидера. Одним словом, тайский олигарх. Крестьяне в провинции Чианграи наперебой рассказывают мне, как много, будучи премьером, этот олигарх сделал для них: «И школы построил, и с наркобаронами расквитался». Я спрашиваю, а не были ли методы Чинавата, как минимум, спорными. Более 2 тыс. людей, подозревавшихся в связях с наркомафией, были уничтожены в 2003 г. без суда и следствия: застрелены якобы в *междоусобных стычках*, и еще около 80 тыс. арестованы. Западные правозащитники называют это *мрачной страницей*⁶. Мои собеседники-крестьяне не согласны: «Жить стало лучше, жить стало спокойнее». И действительно, в разгар макового сезона на горных склонах передо мной – живописные плантации чая. Когда-то именно здесь собирали лучший опий. Не так давно. На ум, весьма навязчиво, приходит соответствующая песня группировки *Ленинград*, но я заставляю себя сосредоточиться на серьезном: у местных крестьян есть и свои тревоги. За день до нашего разговора на свободу был неожиданно выпущен один из деревенских вождей горного племени лису Лаота Сенлэ – вероятно, один из главных подручных покойного Хун Са в наркоторговле. Крестьянам кажется, что наркобароны примутся отвоевывать свое влияние.

«Таксин боролся против наркотиков, потому что для него это было личной вендеттой. Его сын был наркоманом: впал в зависимость от метамфетаминов, от экстази. Поэтому его борьба была искренней», – включается в разговор еще один крестьянин. Тут крестьяне подкованные, внимательно следят за новостями из столицы.

ЛАОС

Северный Лаос – спящее царство рек, джунглей, пещер. Еще немного, и его настигнет туристская мода. Не может не настигнуть: таких природных красот в мире поискать. Развевающиеся алые полотнища с золотистыми серпом и молотом – флаги революционных вооруженных сил – ненавязчиво напоминают, что вы в стране победившего социализма, однопартийной системы, и местные жители будут говорить с вами о чем угодно, только не о политике.

Судя по всему, и здесь маковые плантации ужимаются и опиумный бизнес идет на спад. Какой контраст с предыдущими десятилетиями!

В этих умиротворенных и умиротворяющих краях даже как-то непривычно видеть то тут, то там многотонные бомбы *made in USA*. Лаос – это страна, на которую было сброшено наибольшее количество бомб из расчета на душу населения. И сейчас то и дело дети и крестьяне гибнут, подрываясь на неразорвавшихся снарядах. Не менее непривычно читать об истории лаосского наркотрафика в одном из наиболее противоречивых докладов на эту тему, подготовленном уже полтора десятка лет назад. Сегодня он во многом потерял остроту, но остается примечательным историческим документом.

КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО

«Ведущие позиции Золотого полумесяца и Золотого треугольника в качестве производителей опия сложились в 1960–1980-е гг. в результате политики Запада, в первую очередь ЦРУ США, в части сотрудничества с синдикатами международной организованной преступности. В период холодной войны подобное сотрудничество стало их обыденной практикой. (...) Еще в 1960–1970-е гг., в период войны в Индокитае, американское правительство не только закрывало глаза на активное участие в наркобизнесе своих соратников по «борьбе с коммунизмом» – главаря лаосских мятежников из племени мео генерала Ванг-Пао и коррумпированных чиновников военных режимов в Сайгоне и Бангкоке, но и смотрело сквозь пальцы на вовлеченность в этот бизнес многих офицеров ЦРУ, ВМС и ВВС США. В результате был запущен контрабандный канал Индокитай–США»⁷.

Но война закончилась. Потом закончилась и холодная война, подпитывавшая наркорынки в Афганистане и в Юго-Восточной Азии. Лаос выстоял, остался сам по себе. Приходилось приспосабливаться к новым условиям, новым игрокам.

Читаю дальше этот доклад, погружаясь в атмосферу 1990-х гг.:

«Ориентировочно осенью 1991 г. ряд бывших (российских) офицеров госбезопасности (...) создали (...) так называемую *московскую наркогруппировку*, которая на сегодняшний день функционирует и имеет свои филиалы не только в Москве и Чечне, но и в Мазари-Шарифе (Афганистан), Луангпхананге (Лаос), Лондоне и на Каймановых островах (Карибское море). (...) Что касается Афганского и Лаосского филиалов, то они занимаются контрабандными поставками полуфабрикатов (опиума-сырца и морфина) для героиновой *индустрии*. Эта деятельность опирается на давние контакты московских наркобизнесменов, работавших в 70–80-е годы разного рода советниками и специалистами в Индокитае и Афганистане. В своей деятельности в области поставок полуфабрикатов для производства героина *чеченская мафия* и *московская наркогруппировка*, начиная с конца 1991 г., сотрудничают с некоторыми сотрудниками Службы национальной безопасности Узбекистана, с рядом полевых командиров в Афганистане и, начиная с зимы 1992–1993 гг., с отдельными руководителями повстанцев в бирманской провинции Шан при посредничестве и непосредственном участии представителей силовых структур Лаоса и Камбоджи, ряда граждан КНДР и, до недавнего времени, должностных лиц в Йемене»⁸.

Приходится перевести дух, чтобы хоть как-то осмыслить широту этой почти всемирной географии. Когда плывешь вниз по Меконгу, как-то забываешь, что где-то есть и другой мир.

Продолжаю чтение:

«К концу 1992 г. эксперты относят становление криминальных кооперационных связей между *московской наркогруппировкой* и сепаратистами в бирманской провинции Шан. При этом в качестве посредников и непосредственных участников преступного бизнеса выступили представители силовых структур Лаоса и Камбоджи, граждане КНДР, а также коррумпированные йеменские военные и чиновники. Установлению *сотрудничества* способствовали тесные контакты представителей перечисленных структур и лиц между собой, сильное влияние КНДР в Камбодже, а также связи в данном регионе, существовавшие у бывших чекистов в 1950–1980-е гг. (...) Примерно в 1990 г. в Лаосе другая группа советских граждан, действовавшая в контакте с лаосцами, получила крайне выгодное предложение от шанских производителей морфина по поводу крупнооптовых закупок их *продукции* на постоянной основе. Через некоторое время возникла крупная криминальная структура, состоявшая из граждан СССР и оперировавшая в Лаосе, Камрани, Москве и Вене. *Дело* было организовано следующим образом. Шанские наркodelьцы доставляли морфин через Меконг в Лаос. Далее груз следовал на лаосских самолетах в Камрань. Здесь он передавался персоналу базы – участникам наркобизнеса, которые отправляли его в Сайгон (Хошимин). В Сайгоне действовала вьетнамская преступная группа, которая располагала необходимыми производственными мощностями для переработки большого количества морфина в героин высокого качества. Затем героин, размещенный в контейнерах для изделий деревообрабатывающей промышленности, вместе с последними и под их видом контрабандно ввозился в Центральную Россию. Здесь наркотики изымались и не совсем ясным способом доставлялись в Вену, где передавались оптовым покупателям из числа сицилийских мафиози»⁹.

Когда в тексте на сцену вышли сицилийские мафиози, я на минуту отвлекся и заметил, как на Меконг вышли попасить коровы. Не стадо – парочка. Стад коров здесь вообще не увидишь. Как нет и толп людей: изредка только пройдет вдоль берега одинокий рыбак, пастух или золотодобытчик. К слову, коров лаосцы не доят. Живут без коровьего молока.

А между тем в тексте:

«(...) Наркобизнесмены в Лаосе не захотели лишаться своих баснословных прибылей. Используя старые связи, они вышли на *московскую наркогруппировку* и сделали ее филиалом. Контрабанда возобновилась, но направление ее изменилось. В дело вошли новые партнеры: северные корейцы и хмеры. Вновь возникшее сотрудничество стало основываться на четком разделении *труда* между сторонами. Шанская сторона по-прежнему сохраняла за собой функции по закупкам урожая опиумного мака у крестьян-горцев в районах активных действий формирований мятежников, его переработке в морфин в подпольных лабораториях, расположенных на бирманской территории вблизи лаосской и тайландской границ, и доставке полуфабрикатов героина через Меконг на лаосскую территорию. Лаосцы вместе с вновь образованным филиалом *московской наркогруппировки* взяли на себя обеспечение воздушного транзита наркотических грузов от аэродрома Хуэйсай...»¹⁰

... Не далее как четверть часа назад я проплывал мимо этого полугородка-полудеревни; остановился; прогулялся по его пыльным улочкам; жаль, никакого аэродрома ни в этом городе с не вполне благозвучным именем, ни в его окрестностях я не приметил. Или его *московская группировка* стерла с лица лаосской земли, заметая следы в эти странные девяностые.

«... до аэродрома Саваннакхет, их хранение там и нелегальный вывоз военными самолетами Камбоджи на кхмерскую территорию. Одновременно лаосцы обеспечивали прием на аэродромах в Хуэйсае и Луанпранбанге доставляемых самолетами из Камбоджи вооружений и боеприпасов для шанских мятежников, что являлось частью оплаты за наркотики, и закрывали глаза на переброску этих грузов через свою границу с Бирмой. Камбоджийская и северокорейская стороны в наркобизнесе, действуя под водительством граждан КНДР, игравших общеорганизующую роль и выступавших непосредственными партнерами *московской наркогруппировки* на переговорах «на высоком уровне», выполняли функции по доставке воздушным путем на самолетах ВВС Камбоджи *наркотических грузов* из Лаоса на аэродром в Кампонгсаоме. Одновременно хмеры и корейцы занимались встречными поставками вооружений и боеприпасов для шанских мятежников»¹¹.

ЛУАНПРАБАНГ

Была ли когда-либо *луанпранбангская наркогруппировка*, был ли *лаосский филиал*? Или это только миф? Сегодня, по прошествии полутора десятилетий, когда я пью великолепный местный кофе с высокогорий на тенистой террасе кафе с видом на реку Хан, все это точно выглядит как давний миф, как легенда с множеством географических названий.

Здесь вообще благодатные края для мифотворчества.

Луанпранбанг знаменит своими храмами и своим золотым буддой – Па Банг, который давным-давно охраняет этот город от нашествий и от зла. Этот будда особенный, на него претендовали и соседние государства. Но золотой будда-хранитель королевской столицы без короля (последнего удавили революционные массы 30 лет назад, когда он возвращался в свою столицу с крайнего севера как раз тем же маршрутом, что и я теперь; останки его не найдены) сам выбирает, что ему делать. «Он часто летает, – сказал мне молодой провожатый. – Он улетал в Таиланд, но потом он прилетел обратно домой».

Но другой мой провожатый, в летах, покачал головой: «Это не настоящий Па Банг. Это его копия. Настоящий Па Банг – наш хранитель – уже много лет заточен в хранилище в Москве».

Вот так мне и неожиданно вернулась *московская группировка*, рикошетом.

«НАРКОРЫНКИ ЗОЛОТОГО ТРЕУГОЛЬНИКА ПРЕТЕРПЕВАЮТ ГЛУБОКУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ»

Такой вывод содержится в свежем (январь 2009 г.) докладе амстердамского Транснационального института (ТНИ), который уже давно отслеживает ситуацию в Юго-Восточной Азии и на других наркорынках мира.

Традиционная опиумная торговля вытесняется в Золотом треугольнике производством синтетических наркотиков – метамфетаминов. Мьянма становится крупнейшим источником их экспорта в страны Юго-Восточной Азии, Китай, Индию, Австралию и Японию: примерно 700 млн таблеток, включая таблетки *йаба*, известные также как *crazy pills*. Главным образом, они производятся в труднодоступных восточных и северных горных районах государства Шан.

Традиционные пути переправки наркотиков из Мьянмы в Таиланд, через пограничные Тачилейк и Май Саи, изменились на более извилистые, и теперь транспортировка идет в основном через территорию Лаоса, где пересечение границы по Меконгу, как говорят эксперты, не составляет серьезной проблемы.

В этом я и сам смог убедиться. Под покровом ночи и знаменитого местного тумана десятки быстроходных лодок из прибрежных селений устремляются кто куда: в спрятанные среди болот бирманские казино, к причалу с товаром – на противоположный берег реки... Даже северокорейские беженцы умудряются безнаказанно добраться через Китай, вниз по Меконгу, до этих затерянных мест. У наркоторговцев пути отлажены куда лучше. Погранпосты четко работают на берегу, но по реке за часы плавания не встретишь ни одного патрульного судна.

Метамфетамины, действительно, наступают.

В Таиланде как минимум 5% населения постоянно используют метамфетамины. В Китае число наркозависимых оценивается в 3,5 млн человек. Спрос на наркотики устойчив.

«Предположение, что снижение производства опия-сырца приведет к снижению потребления наркотиков вообще, оказалось ложным»¹², – резюмируют голландские исследователи Мартин Йельсма и Том Крамер.

Голландцев – а с ними и многих других исследователей – беспокоит, что сокращение маковых плантаций в Золотом треугольнике привело к нехватке героина на региональных рынках, что повлияло на рост цен и снижение качества продукта. По их оценке, наркоманы Юго-Восточной Азии оказались перед выбором: или вовсе *соскочить с иглы*, или же перейти на иные, более доступные наркотики. И выбор оказался отнюдь не в пользу свободы от наркотиков. В то время как одни перешли на *йаба*, другие начали экспериментировать с лекарственными заменителями, прежде всего с опиоидами и бензодиазепинами.

По мнению этих исследователей, именно тот факт, что практически все правительства в Юго-Восточной Азии проводят крайне жесткую политику в отношении наркозависимых людей, эти люди просто-напросто уходят в подполье, переходят на более тяжелые наркотики. Там от курения опиума они переходят к инъекциям героина и фармацевтических веществ и от глотания метамфетаминовых таблеток к инъекциям растворенных таблеток. Одновременно на севере Бирмы и в южных провинциях Китая наблюдается взрыв ВИЧ-инфекции.

ЭФФЕКТ ВОЗДУШНОГО ШАРИКА

То, что мы сейчас наблюдаем вследствие провозглашенной *победы* над опиумом в Золотом треугольнике, на самом деле напоминает *эффект воздушного шарика*: он перемещается по воздуху в зависимости от течения воздушных масс. Его отогнали из одной области – опиумной, – и он плавно перемещается в другую. «Чтобы бороться с этим эффектом, необходимо изучать и понимать, как реагирует рынок на политическое вмешательство в область наркопроизводства и наркопотребления»¹³, – убеждены голландские эксперты.

С выводом о том, что метамфетамины в регионе заместили опиум, соглашается российская исследовательница Е.А. Степанова в своем ставшем уже классикой блестящем труде «Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма». По ее оценке, хотя цены на героин значительно превышают цены на метамфетамины, а его производ-

ство выглядит более прибыльным, незаконный оборот метамфетаминов имеет свое преимущество для наркодельцов. Благодаря более низкой стоимости и относительной доступности метамфетаминов их потребление приобретает все более универсальный характер. По оценке Е.А. Степановой, в отличие от героина, основные рынки сбыта которого удалены от района Золотого треугольника и торговля которым требует поддержания разветвленной, протяженной и дорогостоящей системы транзита, метамфетамины в большом количестве поступают и на внутренние рынки стран региона, что сокращает затраты на перевозку. А крупнооптовый характер торговли ими позволяет быстрее окупить средства, вложенные в производство¹⁴.

Итак, опиум со сцены удаляется, но уступает место куда менее качественной *синтетике*.

В сумме незаконный оборот наркотиков в масштабе Юго-Восточной Азии как был, так и остается одной из наиболее стабильных и устойчивых отраслей региональной экономики и торговли¹⁵.

Но *синтетика* наступает не только в Юго-Восточной Азии. Центры производства синтетических наркотиков перемещаются ближе к потребителю: в Великобританию, в Канаду. «После 80 лет так называемой войны с наркотиками, потребитель имеет более легкий доступ к большому ассортименту товара, чем когда бы то ни было раньше. Цены продолжают падать, в то время как доходы наркодельцов растут»¹⁶, – пишет в Нью-Йорк Таймс исследователь Миша Гленни. И приходит к широкомасштабному выводу: война с наркотиками потерпела крах; от войны с наркотиками надо отказаться; наркотики следует легализовать. По мнению исследователя, к такому выводу склоняется все больше и больше политиков, но общественное мнение не позволяет им заявить эту позицию публично. В статье высказывается мнение, что «война с наркотиками – это губительная политика, которая ничего не достигает и наносит серьезный урон глобальной безопасности и государственному управлению там, где она применяется... Регулирование рынка наркотиков государством снизило бы социальные риски, риски в области здравоохранения, которые причиняют наркотики, и при этом дало бы колоссальные налоговые поступления... в то время как сейчас огромные доходы от наркоторговли оседают в карманах организованной преступности и террористических групп»¹⁷.

МЬЯНМА

Я пересекаю мост из Таиланда на территорию Мьянмы. Пограничный городок Тачилейк. Именно здесь 10 лет назад проходил значительный поток опия из Мьянмы в Таиланд. Наркобароны контролировали здесь все и вся. Даже кортеж королевы Таиланда как-то оказался в опасности. Сегодня королева могла бы путешествовать здесь спокойно. Граница хоть и не на замке, но под контролем.

Все эксперты единодушны в том, что за последнее десятилетие в Мьянме наблюдается устойчивое падение производства опия. По данным Госдепартамента США, за семь лет на рубеже веков (1996–2003 гг.) производство опия в Мьянме сократилось на 81%, а площади выращивания мака – на 2/3¹⁸.

Согласно оценке Е.А. Степановой, снижению доли Мьянмы в мировом производстве опиатов способствовали сразу несколько факторов.

Во-первых, это *опийный бум* в Афганистане в 1990-х гг., продолжающийся и теперь. Именно он захватил практически весь европейский рынок героина (в то время как в США до 80% героина приходится из Колумбии, доля всей Юго-Восточной Азии не превышает там 7%, а доля Мьянмы, скорее всего, ниже 1%).

Во-вторых, это изменение структуры международного и регионального рынка наркотиков, переориентация с натуральных на синтетические, о чем я говорил выше.

В-третьих, – и вот тут я ставлю восклицательный знак на полях текста Е.А. Степановой – не менее важную роль в падении производства наркотиков в Мьянме, по ее мнению, сыграл избранный центральным правительством этой страны курс на комплексное ре-

шение проблемы опия, выходящее далеко за рамки полицейских и других силовых мер по борьбе с наркотиками¹⁹.

Как считает исследовательница, «этот курс предполагал решение проблемы наркотиков на фундаментальном уровне – в тесной взаимосвязи с мирным урегулированием, интересам которого на первом этапе был отдан приоритет. Временно отказавшись, по условиям соглашений о перемирии с оппозиционными этногруппировками, от прямого вмешательства в их экономическую деятельность, в том числе связанную с наркотиками, бирманское руководство исходило из того, что только прогресс в области мирного урегулирования со временем позволит укрепить государственную власть настолько, чтобы расширить ее административный и полицейский контроль на всю территорию страны и создать соответствующие социально-политические и экономические условия для постепенного сокращения производства опия бывшими повстанческими организациями»²⁰.

В то же время Е.А. Степанова склоняется к выводу, что правящая бирманская хунта сама активно в наркобизнесе не участвует; по крайней мере, имеющиеся данные «не дают оснований приравнивать янгонский режим к наркодиктатуре». Наоборот, имеется достаточно данных и доказательств активной борьбы бирманских властей с наркотиками²¹. Тут, судя по всему, имела место интересная комбинация: с одной стороны – уговоры в адрес этнических армий, с другой – жесткий авторитарный стиль правления центральных властей.

«В бирманском случае невозможно игнорировать тот факт, который никак не хотят признавать многие западные специалисты, движимые, прежде всего, идеологическими императивами *защиты демократии и борьбы с диктатурой* любыми средствами – в Мьянме лишь жесткий авторитарный характер правящего режима (который к тому же объединил в себе политическую и военную власть) позволил добиться от оппозиционных наркогруппировок соблюдения режима перемирия и распространить хотя бы частичный государственный контроль на многие наркопроизводящие районы»²².

И тут Степанова выходит на окончательный вывод, к которому она читателей уже подготовила: «В долгосрочном противостоянии производству и незаконному обороту наркотиков никакая международная помощь не способна заменить сильной и даже жесткой национальной государственной власти»²³. Это, конечно, прежде всего, укор в адрес карзавского Афганистана²⁴.

В 2009 г. на севере Мьянмы наметилась еще одна, уже новая тенденция: наркоторговцы в массовом порядке распродают запасы героина. В результате на севере Таиланда за последние десять месяцев полицейские перехватили на 2100 % больше героина из Мьянмы, чем год назад: сравните – 1 268 кг сейчас с 57 кг год назад. Горные племена в Мьянме почувствовали на себе наступление правительственных войск. Теперь они сбывают запасы, чтобы запастись оружием для новой борьбы с центральным правительством. Помимо этого, и власти Мьянмы, и власти Таиланда задерживают в 2009 г. на границе между двумя странами беспрецедентное количество метамфетаминов. Эксперты заговорили о возрождении опиумного производства в Золотом треугольнике, особенно в его мьянмарской части. К тому же, большие объемы низкогокачественного героина переправляются из Афганистана через Пакистан и Индию на север Мьянмы, на территории так называемого *государства Ва*, где он перерабатывается в более качественный продукт и откуда реэкспортируется. «Ничего подобного в предыдущие годы мы не видели», – признают эксперты ООН²⁵.

КАЗИНО МЕКОНГ

Покойный *опиумный король* Золотого треугольника, командующий армией Монг Тай Хун Са, боровшийся за независимость государства Шан, сдался властям Мьянмы для многих неожиданно. Было это в 1996 г. После чего комфортно проживал в Янгоне, вложив десятки миллионов долларов, полученных в основном от наркобизнеса, в легальные предприятия внутри страны и превратившись для правящей хунты, по словам самих же генералов, в «ходячую энциклопедию по вопросам наркобизнеса». Вероятно, он сохранил контроль и над частью своей наркоиндустрии²⁶. Правительство не только не пре-

пятствовало, но и поощряло *легализацию* – его самого и его капиталов, стимулируя вложения от наркодeнег в экономику страны²⁷.

Я вижу эти деньги. В буквальном смысле. Потому что сижу в бирманском казино, вблизи Меконга, на пересечении путей Золотого треугольника. Европейских лиц здесь особенно не встретишь. Много тайцев, есть богатые бирманцы, но преобладают все-таки китайцы, которые, чтобы поиграть в бирманских казино, проделывают немалый водный путь на юг.

Вообще, китайцы постепенно, даже незаметно становятся главной экономической силой в Золотом треугольнике. Подминают торговлю. Начали скупать лаосские островки на Меконге под строительство уже своих казино. Приглядываются и к тому, чтобы – через подставных лиц – закупать и более обширные земли на севере Лаоса.

Одновременно китайцы становятся и главными потребителями наркотиков из Бирмы, да и из всего Золотого треугольника. Установлены контакты между наркоторговцами в Гонконге, Макао и Шеньчжэне, с одной стороны, и в бирманском государстве Шан, с другой. Только за семь лет, с 1995 по 2002 г., число зарегистрированных героиновых наркоманов в КНР выросло на 520 тыс. человек, достигнув цифры 900 тыс. Считают, что реальное число наркоманов в четыре раза выше, чем число зарегистрированных.

Китай оказался под массивным напором предложения наркотиков: с запада – из Афганистана через Пакистан, а также через Таджикистан и Киргизию; и с юга – прежде всего, из Мьянмы. Причем из Мьянмы все чаще в Китай идут метамфетамин в таблетках. Больше того, предполагается, что мощности по производству синтетических наркотиков активно задействованы и в провинции Юньнань самого Китая²⁸.

Впрочем, если точно определить масштабы ситуации с наркопроизводством и наркопотреблением в Китае исследователям достаточно сложно, то в части ключевого поставщика для Китая с юга – Мьянмы – они делают уверенный вывод:

«Принимая во внимание взрыв в торговле матамфетамини и экстази, дела с наркотиками в Мьянме обстоят не лучше, чем в предыдущем десятилетии; возможно, ситуация даже стала хуже. (...) Нет сомнений, что наркотики из бирманского сектора Золотого треугольника будут и дальше наводнять (...) мир»²⁹.

Высокий уровень коррумпированности чиновников, полицейских, таможенников во всех секторах Золотого треугольника только облегчает эту задачу.

Тут я что-то начинаю путаться в прочитанном... А как же сильное, авторитарное государство? Где же все эти успехи, о которых рапортовали мне в Таиланде, Лаосе, о которых рапортуют доклады ООН? Или – вот он, *эффект воздушного шарика*? И что же, всегда так будет: удастся отсечь одни головы гидры, как тут же вырастают другие, не менее одиозные? И что, наркопреступность всегда будет выходить победителем, просто в новом обличье и с новым набором *товаров для народа*?

ИСКОРЕНИТЬ! ИСКОРЕНИТЬ ЧТО?

Чтобы как-то собраться с мыслями, мне точно надо переместиться из дымного бирманского казино в просторный Музей Опиума – в опиумный зал. Прохожу мимо экранов, где транслируют документальный фильм про Хун Са: вот так видные наркобароны становятся частью музейного инвентаря. Мне дальше – в зал размышлений. Он очищен от государственных прокламаций и похвалы успехами. Потому что он, в отличие от прочитанных мной серьезных книг, не о *государствах*, не о *международном сообществе* с его *усилиями* и его *ролью* в борьбе за мир без наркотиков.

Зал размышлений – о человеке.

Можем назвать человека *объектом*. Можем – *потребителем*.

В зале, таком же просторном, как и весь музей, несколько изречений. Несколько табличек.

Сначала – к вопросу об истинных победителях. Буддийская поговорка: «Не тот величайший победитель, кто победил тысячу воинов, но тот, кто победил самого себя».

А рядом – из Кортасара, на которого меньше всего ожидаешь наткнуться в тайских джунглях и который, вольно или невольно, откликнулся спустя полтора века на пушкинское *Привычка свыше нам дана* суровым, словно приговор: **Эволюция от счастья к привычке – одно из сильнейших орудий смерти.**

Вот и отгадка. Вот какое орудие, на самом деле, надо бы вырвать с корнем. А опийный шарик или таблетка *йаба* – все это производные. Да только как? Человечество до этого не додумалось и вряд ли додумается. Значит, всегда будет синтетическое счастье, затуманивающее ужас от скатывания к привычке. И укоренение привычки к такому вот синтетическому фальш-счастью. *Счастью*, упакованному в таблетки, *счастью*, заправленному в шприц-дозатор.

Куда от этого деться, – даже если выкосить все алые маки Золотого треугольника.

Примечания

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб–М.: Изд. М.О. Вольфа, 1881, Том 2. С. 50.

² Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь Мир, 2005. С. 166–167.

³ Trouble in the Triangle: Opium and Conflict in Burma. Edited by Martin Jelsma, Tom Kramer and Pietje Vervest. Bangkok, Silkworm Books, 2005, P. 151.

⁴ Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь Мир, 2005. С. 163.

⁵ Trouble in the Triangle: Opium and Conflict in Burma. Edited by Martin Jelsma, Tom Kramer and Pietje Vervest. Bangkok, Silkworm Books, 2005. P. 151.

⁶ См.: Withdrawal Symptoms in the Golden Triangle: A Drugs Market In Disarray. Transnational Institute (TNI) Report. Amsterdam, January 2009. www.tni.org/drugs (последнее посещение – 2 февраля 2009 г.).

⁷ Иванов И. Международная контрабанда наркотиков и бывший СССР. Исследовательская группа «Феликс». М., 1995. Ссылаюсь на этот доклад именно так, как и значится в выходных данных. Хотя авторство скрыто под псевдонимом, оно мне известно, в отличие от большинства источников этого автора.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Withdrawal Symptoms in the Golden Triangle: A Drugs Market In Disarray. Transnational Institute (TNI) Report. Amsterdam, January 2009. www.tni.org/drugs (последнее посещение – 2 февраля 2009 г.).

¹³ Ibid.

¹⁴ Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь Мир, 2005. С. 168.

¹⁵ Там же. С. 170.

¹⁶ Glennly Misha. Ending the War on Drugs. *The New York Times/International Herald Tribune*, 2009, September 18.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Цит. По: Trouble in the Triangle: Opium and Conflict in Burma. Edited by Martin Jelsma, Tom Kramer and Pietje Vervest. Bangkok, Silkworm Books, 2005, P. 148.

¹⁹ Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь Мир, 2005. С. 180.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 185, с. 190. О реализации правительственных планов борьбы с наркотиками – плана «Новая судьба» и «Великого плана борьбы с опиумом», который правительство разработало совместно с руководством Объединенной армией государства Ва, который среди прочего предусматривал переселение до 50 тыс. крестьян Ва из наркопроизводящих районов на более плодородные земли на юге страны.

²² Там же. С. 195.

²³ Там же.

²⁴ Афганистану и Колумбии посвящены отдельные главы этой монографии.

²⁵ Myanmar Drug Trade Surges Along Thai Border. *The New York Times*. 2009, September 30, <http://www.nytimes.com/2009/10/01/world/asia/01iht-drugs.html?sq=drug%20myanmar&st=nyt&scp=1&pagewanted=all> (последнее посещение – 30 сентября 2009 г.).

²⁶ «Хун Са был добрым, открытым для общения искренним человеком», – написал мне наш читатель Валерий Ковалев, узнав из анонсов ПИР-Центра на сайте, что я задумал статью о Мьянме и наркотиках. Как и я, г-н Ковалев путешествовал по региону и хотел предостеречь меня от демонизации Хун Са. Я не имел возможности познакомиться с Хун Са, поэтому комментировать личные качества наркобарона не готов.

²⁷ Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь Мир, 2005. С. 184–185.

²⁸ Trouble in the Triangle: Opium and Conflict in Burma. Edited by Martin Jelsma, Tom Kramer and Pietje Vervest. Bangkok, Silkworm Books, 2005. P. 133–134.

²⁹ Ibid. P.123–124.